

Дмитрий Мережковский

(1866 – 1941)

Христос воскрес! – поют во храме

«Христос воскрес», – поют во храме;
Но грустно мне... душа молчит:
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда б Он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век,
Как брата брат возненавидел,
Как опозорен человек,
И если б здесь, в блестящем храме
«Христос воскрес» Он услышал,
Какими б горькими слезами
Перед толпой Он зарыдал!

Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья,
И стук мечей, и звон оков, –
О лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: «Христос воскрес!»
И нам ответят все народы:
«Христос воистину воскрес!»

В небе зелёном, как лёд

В небе, зелёном, как лёд,
Вешние зори печальней.
Голос ли милый зовёт?
Плачет ли колокол дальний?

В небе – предзвёздная тень,
В сердце – вечерняя сладость.
Что это, ночь или день?
Что это, грусть или радость?

Тихих ли глаз твоих вновь,
Тихих ли звёзд ожидаю?
Что это в сердце – любовь
Или молитва — не знаю.

В этот вечер горячий, немой и томительный

В этот вечер горячий, немой и томительный
Не кричит коростель на туманных полях;
Знойный воздух в бреду засыпает мучительно,
И болезненной сыростью веет в лесах;

Там растенья поникли с неясной тревогою,
Словно бледные призраки в дымке ночной...
Промелькнёт только жаба над мокрой дорогою,
Прогудит только жук на опушке лесной.

В душном, мертвенном небе гроза собирается,
И боится природа, и жаждет грозы.
Непонятым предчувствием сердце сжимается
И тоскует и ждёт благодатной слезы...

Дон Кихот

Шлем – надтреснутое блюдо,
Щит – картонный, панцирь жалкий...
В стременах висят, качаясь,
Ноги тощие, как палки.

Для него хромая кляча –
Конь могучий Росинанта,
Эти мельничные крылья –
Руки мощного гиганта.

Видит он в таверне грязной
Роскошь царского чертога.
Слышит в дудке свинопаса
Звук серебряного рога.

Санчо Панса едет рядом;
Гордый вид его серьёзен:
Как прилично копыеносцу,
Он величествен и грозен.

В красной юбке, в пятнах дёгтя,
Там, над кучами навоза, –
Эта царственная дама –
Дульцинея де Тобозо...

Страстно, с юношеским жаром
Он в толпе крестьян голодных,
Вместо хлеба, рассыпает
Перлы мыслей благородных:

«Люди добрые, ликуйте,
Наступает праздник вечный:
Мир не солнцем озарится,
А любовью бесконечной...

Будут все равны; друг друга
Перестанут ненавидеть;
Ни алькады, ни бароны
Не посмеют вас обидеть.

Пойте, братья, гимн победный!
Этот меч несёт свободу,
Справедливость и возмездье
Угнетённому народу!»

Из приходской школы дети
Выбегают, бросив книжки,
И хохочут, и кидают
Грязью в рыцаря мальчишки.

Аплодируя, как зритель,
Жирный лавочник смеётся;
На крыльце своём трактирщик
Весь от хохота трясётся.

И почтенный патер смотрит,
Изумлением объятый,
И громит безумье века
Он латинскою цитатой.

Из окна глядит цирюльник,
Он прервал свою работу,
И с восторгом машет бритвой,
И кричит он Дон Кихоту:

«Благороднейший из смертных,
Я желаю вам успеха!...»
И не в силах кончить фразы,
Задышается от смеха.

Он не чувствует, не видит
Ни насмешек, ни презренья!
Кроткий лик его так светел,
Очи — полны вдохновенья.

Он смешон, но сколько детской
Доброты в улыбке нежной,

И в лице, простом и бледном,
Сколько веры безмятежной!

И любовь и вера святы.
Этой верою согреты
Все великие безумцы,
Все пророки и поэты!

Ноябрь

Бледный месяц – на ущербе,
Воздух звонок, мёртв и чист,
И на голой, зябкой вербе
Шелестит увядший лист.

Замерзает, тяжелеет
В бездне тихого пруда,
И чернеет, и густеет
Неподвижная вода.

Бледный месяц на ущербе
Умирающий лежит,
И на голой чёрной вербе
Луч холодный не дрожит.

Блещет небо, догорая,
Как волшебная земля,
Как потерянного рая
Недоступные поля.

Осенне-весеннее

1

Ещё роса на сжатый колос
Хрустальной сеткой не легла,
И жёлтых лент в зелёный волос
Ещё берёза не вплела.

О, как медлительно прощанье
Склонённых солнечных лучей!
О, как торжественно молчанье
Уже пустеющих полей!

И мнится: кончены боренья,
Исчезло время, смерть и зло,-

И видит вновь, как в день творенья,
Господь, что всё добро зело.

2

Купальницы болотные,
Вы снова зацвели,
О, дети беззаботные,
Доверчивой земли!

Поля уже пустынное,
Леса уже молчат,
А ваш ещё невиннее
Весенний аромат.

Весенние, осенние,-
Начало и конец,
Ещё мне драгоценнее
Ваш золотой венец.

Вы снова пламенеете,
Как будто в первый раз:
Вы любите, вы смеете,
И август – май для вас.

Ослепительная снежность

Ослепительная снежность,
Усыпительная нежность,
Безнадежность, безмятежность –
И бело, бело, бело.
Сердце бедное забыло
Всё, что будет, всё, что было,
Чем страдало, что любило –
Всё прошло, прошло, прошло.

Всё уснуло, замолчало,
Где конец и где начало,
Я не знаю, – укачало,
Сани лёгкие скользят,
И лечу, лечу без цели,
Как в гробу иль в колыбели,
Сплю, и ласковые ели
Сон мой чуткий сторожат.

Я молюсь или играю,
Я живу иль умираю,

Я не знаю, я не знаю,
Только тихо стынет кровь.
И бело, бело безбрежно,
Усыпительно и нежно,
Безмятежно, безнадежно,
Как последняя любовь!

Поэт

Сладок мне венец забвенья тёмный,
Посреди ликующих глупцов
Я иду отверженный, бездомный
И бедней последних бедняков.

Но душа не хочет примиренья
И не знает, что такое страх;
К людям в ней – великое презренье,
И любовь, любовь в моих очах:

Я люблю безумную свободу!
Выше храмов, тюрем и дворцов
Мчится дух мой к дальнему восходу,
В царство ветра, солнца и орлов!

А внизу, меж тем, как призрак тёмный,
Посреди ликующих глупцов,
Я иду отверженный, бездомный
И бедней последних бедняков.